

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.3>

Задорина Алена Олеговна

Мотив искушения в романистике Л. М. Леонова

Статья посвящена анализу мотива искушения в романах Л. М. Леонова "Вор", "Соть", "Дорога на Океан". В леоноведении данный мотив остается малоизученным (есть исследования мотива только в итоговом романе мастера "Пирамида"), но очевидно, что для писателя он имеет художественное значение - к нему он обращался на протяжении всего творчества. Нами установлено, что мотив искушения у Леонова генетически восходит к текстам Священного Писания и фольклору и дополняется либо социально-бытовым прочтением (романы "Вор", "Пирамида"), либо прогностическим: подверженность героев искушению свидетельствует не только об их духовном падении, но и гуманистическом пафосе произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 12-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

идеи, он ставит их на службу историософии, пытаясь с их помощью осмыслить особый «евразийский» культурный статус России, находящейся на путях столкновения, борьбы и интеграции западных и восточных культур.

Список источников

1. Генис А. Беседа десятая. Поле чудес: Виктор Пелевин // Звезда. 1997. № 12.
2. Гурин С. Пелевин между буддизмом и христианством [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/ogurip/1.html> (дата обращения: 07.02.2020).
3. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / пер. с франц. С. Г. Калининой, Н. В. Сулова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
5. Иглтон Т. Теория литературы. Введение / под ред. М. Маяцкого, Д. Субботина; пер. с англ. Е. Бучкиной. М.: Территория будущего, 2010. 291 с.
6. Избранные сутры китайского буддизма / пер. с кит. Д. В. Поповцева и др.; отв. ред., предисл. Е. А. Торчинов. СПб.: Наука, 1999. 464 с.
7. Кожевникова М. Буддизм в зеркале современной культуры: освоение или при-своение? // Буддизм России. 1997. № 27.
8. Кропьявьянский Л. Интервью с Виктором Пелевиным [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-bomb/1.html> (дата обращения: 07.02.2020).
9. Кузнецов С. Виктор Пелевин: Тот, кто управляет этим миром [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-kuzp/1.html> (дата обращения: 07.02.2020).
10. Ланкаватара-сутра, или Сутра явления [Благого Закона] на Ланке [Электронный ресурс]. URL: http://www.daolao.ru/Lankavatara/lanka_full/lanka06.htm (дата обращения: 07.02.2020).
11. Пелевин В. Полное собрание сочинений: в 16-ти т. М.: Эксмо, 2015. Т. 8. Священная книга оборотня. 384 с.
12. Пелевин В. Чапаев и Пустота. М.: Вагриус, 2004. 414 с.
13. Полотовский С. А., Козак Р. В. Пелевин и поколение пустоты. М.: МИФ, 2012. 228 с.
14. Хуэйэн. Алтарная сутра Шестого патриарха / пер. с кит. А. В. Волкотрубова. Чита: Экспресс-издательство, 2004. 128 с.
15. Шаманский Д. Пустота: снова о Викторе Пелевине // Мир русского слова. 2001. № 3. С. 59-65.
16. 丁福保. 佛学大辞典. 上海书店出版社, 2015年. 1350 页 (Дин Фубао. Большой словарь буддизма. Шанхай, 2015. 1350 с.).
17. 普济. 五灯会元. 海南出版社, 2011年. 1862 页 (Пуцзи. История дзен-буддизма в Китае времен династии Сун. Хайнань, 2011. 1862 с.).

Zen Buddhism in the Novel “The Sacred Book of the Werewolf” by V. Pelevin

Guo Wei

*Linyi University, the People's Republic of China
fantasy0224@163.com*

The article examines the role of Zen Buddhism in V. Pelevin's novel “The Sacred Book of the Werewolf”. Zen Buddhist philosophy occupies a special place in his worldview. The paper analyses Buddhist motives represented in the novel's poetics and themes, traces interrelations with the Chinese literature and culture, shows how Pelevin's Zen Buddhist worldview influenced his interpretation of the modern Russian reality. The researcher points out that the novel is visibly influenced by the Eastern philosophical thought, and this influence largely determines the writer's narrative strategy.

Key words and phrases: V. Pelevin; “The Sacred Book of the Werewolf”; Buddhism; emptiness; philosophy.

УДК 82-31

Дата поступления рукописи: 04.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.3>

Статья посвящена анализу мотива искушения в романах Л. М. Леонова «Вор», «Соть», «Дорога на Океан». В леоноведении данный мотив остается малоизученным (есть исследования мотива только в итоговом романе мастера «Пирамида»), но очевидно, что для писателя он имеет художественное значение – к нему он обращался на протяжении всего творчества. Нами установлено, что мотив искушения у Леонова генетически восходит к текстам Священного Писания и фольклору и дополняется либо социально-бытовым прочтением (романы «Вор», «Пирамида»), либо прогностическим: подверженность героев искушению свидетельствует не только об их духовном падении, но и гуманистическом пафосе произведения.

Ключевые слова и фразы: Л. М. Леонов; мотив искушения; образ запретного плода; испытание веры; библейский сюжет; система персонажей.

Задорина Алена Олеговна, к. филол. н.
*Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
amaltea-20x@yandex.ru*

Мотив искушения в романистике Л. М. Леонова

Творчество Леонида Максимовича Леонова, охватывающее большую часть XX века, все настойчивее привлекает внимание современных исследователей, изучаются всевозможные мотивы и их взаимодействие.

В то же время очевидно преобладающее количество работ об итоговом романе мастера – «Пирамиде», хотя истоки сюжетобразующих мотивов находятся в ранней и зрелой романистике писателя. Мотив искушения в романном творчестве Леонида Леонова (до «Пирамиды») относится к числу таких **малоизученных** тем.

Актуальность статьи определяется интересом исследователей к творческой лаборатории писателя, в произведениях которого сочетаются элементы различных художественных направлений и течений XX столетия.

Цель работы – проанализировать в романах Л. Леонова «Вор», «Соть», «Дорога на Океан» мотив искушения, восходящий к текстам Священного Писания, осмыслить характер его художественного воплощения и взаимодействия с образной системой произведений.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить семантику мотива искушения в библейских текстах.
2. Обозначить значимые для художественного метода Л. М. Леонова возможные интерпретации мотива искушения в художественной и религиозно-философской литературе.
3. Выявить ключевые образы, связанные с мотивом искушения, в романистике Л. М. Леонова.
4. Показать влияние разработки мотива искушения на персонажную структуру и его связь с художественным замыслом автора.

Материалом исследования стали романы Л. М. Леонова «Вор», «Соть», «Дорога на Океан», в которых мотив искушения раскрывается в смысле испытания веры. Неоднозначность авторской оценки ситуации искушения связывает его художественный метод с современным литературным процессом, испытывающим кризис утверждения нравственных ценностей.

Методологической основой исследования стали работы, посвященные исследованию поэтики мотива (В. Я. Пропп, И. Е. Силантьев), богословские изыскания (иер. Г. Егоров, Ф. Н. Козырев). Значимыми для понимания мировоззренческой позиции Л. Леонова стали также труды А. А. Дырдина, Л. П. Якимовой, Т. М. Вахитовой. Ключевыми для нас явились структурно-типологический метод исследования, а также мотивный анализ.

Практическое применение результатов исследования: материал, предложенный в статье, может быть использован в качестве дополнительного при преподавании филологических дисциплин по русской литературе XX века, а также спецкурсов, посвященных проблеме художественного интертекста.

Мотив искушения является одним из типичных для древнерусской агиографии и религиозного искусства в целом. Значимость мотива обусловлена его функцией – испытание веры. Мотив испытания имеет и фольклорные истоки, часто становится необходимым звеном в сюжете волшебной сказки. В. Я. Пропп связывает постоянную современность этого мотива с «бессознательной жизненной философией»: не только в эпосе, но и в жизни «мы окружены испытателями и испытующими, вся жизнь в любой момент есть испытание» [12, с. 184-185].

Функция испытания в волшебной сказке связана с решением трудной задачи. В отличие от духовного испытания (веры), здесь проверяются душевные и физические свойства героев. Пропп отмечает, что задача может быть решена и хитростью, тогда как в случае с испытанием веры сила героя – в его воле. Способностью противостоять искушению подчеркивается духовная мощь героя, сила его любви к Богу. Интересное развитие мотив получил также у писателей-романтиков: искушение для них – это попытка заглянуть за пределы дозволенного, общеизвестного (Э. По, В. Ф. Одоевский).

Под искушением обычно понимают введение в соблазн верующего нечистыми силами: «Искушение – такое стечение обстоятельств, в котором есть близкая опасность впасть в грех или потерять веру. Искушения приходят от нашего падшего естества, от мира, от других людей или от дьявола» [4]. Но даже в словарном обиходе одно из значений лексемы *искушение* – испытание, без отрицательной коннотации. У В. И. Даля даны три толкования глагола *искушать*:

- 1) испытывать, изведывать, убеждаться опытами в образе действий или мыслей, чувств;
- 2) подвергать испытанию кого-либо;
- 3) соблазнять, прельщать, смущать соблазном, завлекать лукавством; стараться совратить кого-либо с пути блага и истины [2, с. 52].

В Священном Писании понятия искушения и испытания также разведены не полностью: «Искушение – соблазн греха, испытание человека» [1, с. 236]. Целью испытания, в свою очередь, всегда оказывается благо. Слово Божие наставляет, что те, кто подвизаются ради Бога, неизбежно будут нести бремя искушений ради своего спасения – именно поэтому искушение понимается как «посещение Божие»: «Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения» (Сир. 2:1-2). Ввиду такого подтекста мотива в современной европейской традиции перевода Библии лексемы *испытание* и *искушение* уже не употребляют, замещая словами «посещение», «призрение».

Из божественных испытаний-посещений наиболее значительным в Священной истории считается испытание Марии (*Visitatio Beatae Mariae Virginis*). Основными библейскими сюжетами собственно об искушении могут быть названы: искушение Адама и Евы запретным плодом и искушение Христа Сатаной (этому сюжету придается особое значение в библеистике). Писатели также часто обращаются к искушениям святых, зафиксированным в патериках, житиях, – искушение святого Антония, преподобного Сергия Радонежского, преподобного Макария Оптинского.

Образ запретного плода как предмета соблазна – определяющий для ситуации искушения. Взятый с древа познания добра и зла, он испытывает человека на способность осознанно выбирать между добром и злом, подвергаться искушению или преодолевать соблазн. Образ запретного плода неотрывно связан с понятием первородного греха, то есть имманентной греховностью человека, но связь эта интерпретируется художниками по-разному.

Искупителю человеческого греха, Иисусу Христу, также предстоит пройти сатанинское искушение, о чем с разной степенью детализации пишут все евангелисты, кроме Иоанна. Искушение происходит после крещения Иисуса, во время сорокадневного поста, и становится, таким образом, формой испытания дьяволом его веры, божественной силы и воли. Против трех обольщений на грех (голод, гордыня, власть) смог устоять Иисус, и Сатана оставляет своё испытание. В богословских изысканиях искушения Христа в пустыне имеют параллели с ветхозаветной историей Иова [5, с. 109-114], подвергнутого Сатаной испытаниям по дозволению Бога. Как и Иисус, Иов перенёс три испытания, подтвердив свой статус праведника.

В экзистенциализме взгляд на феномен искушения-испытания более свободный, развивается, в частности, мысль о возможности искушения со стороны Бога. С. Кьеркегор, анализируя ветхозаветный сюжет об Аврааме и его сыне, полагает, что требование Бога принести в жертву единственного и столь долгожданного сына также является искушением [7]. Искушение в богословской интерпретации – внешняя сторона отчаяния; иначе говоря, эти две категории взаимосвязаны идеей богоборчества.

Смысл испытания раскрывается в случае действенной реакции героя на него, то есть герой преодолевает или не преодолевает затруднение. На этом этапе мотив может обрести дополнительные алломотивы. В качестве примера обратимся к «Повести о Петре и Февронии»: «...человек, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с вожделием. Она же, разгадав злой помысел его, быстро обличила его. Понял тот человек, что есть у нее прозрения дар, и более не смел того помышлять» [11, с. 642]. В повести к мотиву искушения примыкают мотивы преодоления и обличения, метаоснованием для этого становится мотив дара прозрения героини. Прозрение, знание, чаще всего звучащие в художественном дискурсе на уровне подтекста, формируют семантическое ядро мотива испытания, искушения.

Мотив искушения-испытания в произведениях Л. М. Леонова почти не исследован в литературоведении. Из внушительного корпуса работ он упомянут только в статьях А. А. Дырдина «Веросознание и мифология в романе “Пирамида” (версия мифа о падших ангелах)», В. Супы «Евангельский текст в современном русском романе (“Покушение на миражи” В. Тендрякова и “Пирамида” Л. Леонова)» [16, с. 501-508]. Дырдин утверждает ключевое значение мотива испытания в творчестве Леонова, особенно в «Пирамиде» [3, с. 44], при этом ракурс его работы сосредоточен именно на итоговом романе мастера. В рассказах раннего Леонова мотив искушения-испытания не самый распространенный, но безусловно значимый в его романах. В данной статье мы будем анализировать тексты, эпизоды, преимущественно говорящие об испытании веры, каким-либо образом соотносимые с библейским первоисточником, связанные с ним аллюзивно.

В своей романной прозе Л. М. Леонов часто обращается к сюжету искушения первых людей, Адама и Евы, запретным плодом с древа познания. Реминисценции из названной легенды встречаются в романах «Соть», «Дорога на Океан» и «Вор», причем размышления писателя о смысле той ветхозаветной истории из романа в роман продолжают друг друга (автоцитаты).

В «Воре» сюжет об Адаме и Еве вспоминается в связи с развитием любовной линии романа. В любовном треугольнике Балужева – Векшин – Доломанова связи между тремя вершинами определяются мотивом искушения. Необъяснимая любовь-ненависть Митьки-вора и Маньки Вьюги постоянно подпитывается силой искушения, непреодолимой для героев: «Вон, Адам-то сто пятьдесят годков Еве своей противился... тогда дольше века бывали! Уж она его будто и тем и этим, пока не надоумил черт яблочком. И всего лишь разок куснуть дала, а по сей срок жует. И плюется, и скулит, и зарекается, а всё отстать не может!» [10, т. 3, с. 375].

Артистка Балужева осознает, что привязать к себе Митьку ей нечем: не помогают ни вкусные борщи, ни попытки приголубить. Искушенный Вьюгой, Митька не ведает другого соблазна, кроме как идти по краю пропасти – своеобразная аллюзия к пушкинскому «Пиру во время чумы»: «Есть упоение в бою, / И бездны мрачной на краю, / И в разъяренном океане. // Средь грозных волн и бурной тьмы...» [13, т. 5, с. 555]. Само прозвище героини «Вьюга» помещает ситуацию трагического искушения у Леонова в общий с А. С. Пушкиным образный ряд (стихийное начало: ярость, гроза, буря, вьюга). Однако для Зины Балужевой, как и для Тани Векшиной, Митька – своеобразный символ веры: он идеален, несмотря на то, что вор. Чикилев, будущий супруг певицы, неустанно твердит ей о неминуемом для Векшина эшафоте – и тем самым наделяет героя в глазах невесты мученическим венцом. Балужева «сдает позиции», когда хитрый чиновник атакует ее другого бога – дочку. Задаривая ребенка нарядами, угощениями (аналогично тактике Балужевой по отношению к Векшину), Чикилев в скором времени добивается успеха.

Таким образом, неоднородность персонажной структуры раскрывается в романе через переменное действие механизма соблазнительного *пряника*, и автор показывает, что героев можно разделить на восприимчивых к «сладкому» (Балужева, Чикилев) и на жаждущих кислого (Вьюга, Векшин). Если в первом случае предмет соблазна внушает надежду на светлую жизнь, то во втором – на избавление от тоски. Для сюжета определяющим является второй ракурс рассмотрения соблазна, с его экзистенциальной тревогой и бунтом (Векшин отказывается от уютной бедности Балужевой и уходит в маргинальную атмосферу кабака, воровской вечери у Агея) – типичные составляющие ситуации искушения [12]. Кислое яблоко становится синонимом шага в сторону – Адаму было позволено есть любые плоды, кроме как с древа познания. Таким образом, философским подтекстом искушения оказывается внутреннее самостояние, превращение из прообраза в человека.

В «Соти» Л. М. Леонов выходит на описательный уровень той же ситуации: «Взгляду его предстало то неспелое, вяжущего вкуса яблоко, к которому потянулась однажды и неумелая рука Адама» [10, т. 4, с. 104]. Обращение к символу испытания – кислому яблоку – происходит у писателя и в «Пирамиде», где связывается с образом отца Матвея: «По характеру своему и темпераменту старо-федосеевский батюшка принадлежал

к нетерпеливой породе русских, от века стремившихся полакомиться незрелым яблочком, чтобы по сто лет кривиться от оскомины» [8, т. 1, с. 246]. Испытание кислым (и последующее приятие земной пищи) не выдерживает и ангел Дымков: «Охотно согласился на глоток разбавленного вина, и, судя по застенчивому румянцу грехопадения, ему понравилась искристая кислинка...» [Там же, с. 240]. Соблазнение кислым в случае с Дымковым представлено в тексте и аллегорически: ангел поддается уловкам старика Бамбалки, которого все за любовь к одноименному игристому вину называют *Дюрсо*.

В леоновском тексте аллюзивы испытания – искушения часто звучат как две оценки одной ситуации, что присуще и канонической интерпретации ситуации: «Испытанием веры Сына Божьего стало искушение Иисуса Дьяволом в пустыне, на крыше храма и на горе» [15, с. 105]. Двудликость мотива заложена и в мифологеме Лотовой жены: поддавшись искушению обернуться, она не выдерживает испытание, почему и наказана. В творчестве Леонова аллюзии к этому библейскому сюжету встречаются часто: «Вор», «Дорога на Океан», «Русский лес». В названных романах декларируется требование *не оглядываться*. Если в библейском тексте нельзя было оглянуться назад (на оставляемый город), то у Л. М. Леонова утверждается безвозвратность во времени. Как пишет в «Поэтике романа» Н. Т. Рымарь, развертывание мотива во времени (то есть его переживание) качественно отличается роман от эпоса, в том числе религиозного, где сюжет раскрывается пространственно (через преодоление) [14, с. 28-29].

Значение забытого прошлого латентно присутствует и в ветхозаветной легенде, но у писателя призыв не оглядываться символически работает на идею строительства нового государства, нового политического режима, нового общества, и носит явно идеологический характер: «А со времен злосчастной Лотовой жены нельзя оглядываться на покидаемое огнище, чтобы заразы туда не занести... да никому и в голову не придет, потому что в том и будет состоять спасенье, чтоб не оглядываться!» [10, т. 3, с. 127].

В «Воре» в единой связке оказываются мотивы искушения, спасения и уничтожения. Повествователь рассуждает, что, несмотря на повторяемость ситуации, искушения как такового уже не будет ввиду глобальности происходящих перемен (оставляется позади не догорающий город, а жизненный мир). Политический подтекст призыва не оглядываться особенно уверенно звучит в «Русском лесе». Герой нового времени, Сережа Вихров, говорит: «...памятуя плачевную судьбу Лотовой жены, я б не позволял молодым оглядываться на покидаемый старый мир или перегружаться обольстительной стариной» [9, с. 384]. Данный призыв становится важным условием целеустремленного пути к светлому будущему.

Однако отношение абстрактного автора к приведенному лозунгу неоднозначно, что очевидно в контексте всего леоновского творчества. Если Лотова жена наказана за нарушение запрета, то Л. М. Леонову именно такие, «ослушавшиеся», герои представляются наиболее выразительными: «Я никогда и не брался за тех, что не оглядываются» [10, т. 3, с. 127] (в «Пирамиде» оглядывающимися становятся рассказчик и отец Матвей). «Оглянувшиеся» принадлежат типу героев проникновенных: батюшка оглядывается в ожидании чуда, рассказчик – в надежде на проблеск клада. В «Воре» таким героем является Митька Векшин: «Вы один у меня оглянётесь – не из дерзости, вопреки грозному завету, а по какому-то тревожному и сладостному озаренью...» [Там же]. Ранее уже говорилось о близости в леоновской картине мира образов вора и писателя, рассказчика (вор духовный), на примере развития мотива искушения это родство особенно заметно.

Художественная разработка библейского сюжета об Адаме и Еве приводит к новому аспекту мотива искушения. Традиционно искушению подвергается Ева, затем Адам, соответственно, Сатана выступает в качестве искусителя. В «Дороге на Океан» автор напоминает читателю о ветхозаветной истории в эпизоде, когда Курилов в своем саду слышит голоса влюбленных, что наталкивает на известные аналогии.

Хронотоп	Эдем	Куриловский сад	Город-сад, Океан
Участники	Адам и Ева	Пара влюбленных	Курилов и Лиза

Мотив искушения в этом фрагменте связан с образом коммуниста Курилова: он слышит присутствие в саду чужих, его подстрекает мысль напугать их, то есть заставить почувствовать себя неприкрытыми от других глаз (в Библии после вкушения запретного плода Адам и Ева пытаются скрыться от Божьего ока за ветками, листьями). Курилов, однако, не демиург, и потому, что подвержен этому искушению, и потому, что в соцреалистическом романе демиургом является вождь Сталин, образ которого нередко оказывается в метатекстовом пространстве. Если Курилов поддается искушению – значит, он слаб духовно; если нет – значит, ему присущи такие человеческие качества, как совесть и жалость: «...погасло бы очарование сада, и не они (влюбленные), а сам Курилов стал бы беднее» [Там же, т. 6, с. 29].

В ходе исследования были обозначены ключевые для романов Л. Леонова библейские сюжеты, транслирующие мотив искушения: сюжет искушения Адама и Евы, Иисуса в пустыне, сюжет о Лоте и его жене. Помимо непосредственно ситуаций испытания героев, в данных романах присутствуют авторские отступления на тему вечного искушения человечества, которые становятся своеобразным сквозным лейтмотивом, что позволяет судить о значимости вопроса для самого писателя. В этих же отступлениях, а также через высказывания отдельных персонажей можно заметить, что авторская оценка искушения не всегда соответствует ортодоксальной библейской, периодически вступая с ней в мировоззренческий конфликт. В результате проведенного исследования были выявлены типичные для воплощения мотива искушения образы (образ запретного плода, образ сада), репрезентативные ситуации (любовное искушение), сделана попытка определения авторской оценки героев, подвергающихся и не подвергающихся искушению.

Список источников

1. **Большой путеводитель по Библии.** М.: Республика, 1993. 479 с.
2. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз. Медиа, 2003. Т. 2. И – О. 779 с.
3. **Дырдин А. А.** Веросознание и мифология в романе «Пирамида» (версия мифа о падших ангелах) // Роман Л. Леонова «Пирамида»: проблема мирооправдания / отв. ред.: Т. М. Вахитова, В. П. Муромский. СПб.: Наука, 2004. С. 43-68.
4. **Искушение** [Электронный ресурс]. URL: <http://vepravoslavnaaya.ru/?Iskushenie-alf> (дата обращения: 04.02.2020).
5. **Козырев Ф. Н.** Искушение и победа святого Иова. СПб.: Алгоритм, 1997. 208 с.
6. **Комаров С. Г.** К вопросу о библейских архетипах в драматургии Эдварда Бонда: основные стратегии развития архетипического образа Иова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Комаров/> (дата обращения: 04.02.2020).
7. **Кьеркегор С.** Страх и трепет. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 384 с.
8. **Леонов Л. М.** Пирамида: в 2-х т. М.: Голос, 1994. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 686 с.
9. **Леонов Л. М.** Русский лес. М.: ГОУ ВПО «МГУЛ», 2005. 724 с.
10. **Леонов Л. М.** Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 3. 614 с.; 1982. Т. 4. 351 с.; 1983. Т. 6. 528 с.
11. **Памятники литературы Древней Руси.** М.: Художественная литература, 1984. Вып. 6. Конец XV – первая половина XVI века. 768 с.
12. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996. 364 с.
13. **Пушкин А. С.** Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб.: Библиополис, 1993. Т. 5. 623 с.
14. **Рымарь Н. Т.** Поэтика романа. Куйбышев: Изд-во Саратовского ун-та, Куйбышевский филиал, 1990. 252 с.
15. **Словарь христианского искусства.** Челябинск: Урал LTD, 2000. 266 с.
16. **Супа В.** Евангельский текст в современном русском романе («Покушение на миражи» В. Тендрякова и «Пирамида» Л. Леонова) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 501-508.

Motive of Temptation in L. M. Leonov's Novelistics

Zadorina Alena Olegovna, Ph. D. in Philology
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
amaltea-20x@yandex.ru

The article analyses motive of temptation in L. M. Leonov's novels "The Thief", "Sot", "Road to the Ocean". This motive has not been previously investigated in Leonov studies (with the exception of the writer's final novel "The Pyramid") but it obviously bears artistic meaning for him – the writer developed this theme throughout his creative work. It is shown that motive of temptation in Leonov's works traces its origin to the Scripture texts and folkloric stories and is supplemented with social and everyday (novels "The Thief", "The Pyramid") or prognostic interpretation: the characters' vulnerability to temptation testifies their spiritual downfall and simultaneously accentuates humanistic pathos of the novel.

Key words and phrases: L. M. Leonov; motive of temptation; forbidden fruit image; trial of faith; biblical story; system of personages.

УДК 801.73

Дата поступления рукописи: 18.02.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.3.4>

Статья посвящена анализу способов конструирования пространства прошлого в малой прозе М. Шишкина. Установлено, что автор создаёт две модели прошлого: flashback, который принадлежит нарратору и актуализирует неавтономную область прошлого, а также общее пространство относительно автономного прошлого, которое может принадлежать двум и более нарраторам. Эти модели при монтажном сопряжении создают сложную архитектуру времени, реализующую принцип фрактала и позволяющую генерировать разнообразные семантические концепты, связанные с «поиском утраченного времени» и сохранением его в Слове.

Ключевые слова и фразы: М. Шишкин; время; прошлое; воспоминание; нарратив; фрактал; деталь; монтаж; аудиовизуальность.

Куряев Ильгам Рясимович

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
kuryaev.ilgam@yandex.ru

Конструирование прошлого в малой прозе М. Шишкина (на материале рассказов сборника «Пальто с хлястиком»)

Выстраивая свои произведения вокруг логоцентричной идеи [8, с. 18-25; 11, с. 197-206; 12], М. Шишкин соединяет её с повествовательным моментом, с актом рассказывания, в котором коммуникативный аспект